

БЛАЖЕННАЯ ЕЛИЗАВЕТА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ (1880-1906)

Рассказывать о жизни святых значит также описывать их время, анализировать общество, в котором они жили и действовали, следовать за ними в их земном странствии среди людей, городов, стран, рассказывать о самых настоящих приключениях, порою героических.

Тем не менее, бывают случаи, когда эти моменты как бы отсутствуют: короткая жизнь, лишенная громких эпизодов, прожитая почти на обочине истории, а приключения, если они и есть, связаны лишь с внутренней жизнью.

Многие святые ходили бесконечными тропами, спускались в немислимые бездны и возносились на недостижимые высоты, но все это - в пространстве души. Впрочем, мы, христиане, хорошо знаем, как беспредельна человеческая жизнь, если в ней присутствует Бог и Его тайна.

Такой и была жизнь блаженной Елизаветы Святой Троицы, монахини-кармелитки, затворницы, умершей в двадцать шесть лет, в самом начале нашего столетия.

Церковь причислила ее к лику блаженных только в 1986 году, но ее личность и учение уже десятилетия благотворно воздействовали на христианскую духовность и богословие. Вспомним хотя бы в качестве примера, что уже в 1953 году такой известный богослов, как Ханс Урс фон Бальтазар посвятил ей целый очерк, первые же серьезные исследования богослова-доминиканца восходят к 1938 году.

Елизавета Кате родилась в Дижоне в 1880 году. Ее духовное становление началось очень рано, чтобы быть совсем точными - со дня первого причастия. Она росла непокорным ребенком. "Нрав у нее был страстный, порывистый",- говорила ее мать. А сестра добавляла: "Неугомонный, буйный до неистовства" - и завершала многозначительным французским "tres diable". Священник, готовивший ее к первому причастию, признавался: "С таким темпераментом, как у нее., становятся или ангелом, или бесенком". И наставница Елизаветы утверждала: "Воля была у нее просто железная, чего захочет - всегда добивается". Девочку почти ежедневно одолевали приступы гнева, и вообще ей была свойственна обостренная чувствительность.

Как тогда было принято, в шесть лет ее подготовили к первой исповеди, а в одиннадцать - к первому причастию. Вот тогда-то и началось ее духовное восхождение: она совершенно всерьез устремилась к Богу. Мать внушала ей: "Если уж хочешь причащаться, тебе придется совершенно измениться". Обычные слова, которые всегда говорят детям. Но на этот раз их услышала девочка, действительно стремившаяся к истинному прощению.

Свидетельства друзей Елизаветы и людей, хорошо ее знавших, единодушны: "характер ее совершенно изменился", "перемена просто поразительная", "просто невероятный случай". Гнев еще нередко сверкал в ее глазах, но были очевидны усилия, которые она прикладывала к тому, чтобы быть мягкой и ласковой; это стало ее каждодневным трудом. Причем это не было каким-то психологическим упражнением. Кажется невероятным, но это прорвалась самая настоящая любовь.

Елизавета с самых ранних лет обрела особенную радость в таинстве Евхаристии; когда ее приводили в церковь, она надолго замирала и, необычайно сосредоточенная, погружалась в тайну Божественного присутствия. Первое причастие определило для нее все.

Повзрослев, она писала об этом матери из монастыря: "Милая моя мама, я так люблю Его, и это благодаря тебе, ведь это ты обратила сердце своей девочки к Нему, ты подготовила меня к первой встрече с Ним в тот великий день, с которого и началась моя жизнь" - (Письмо 150).

Сердце замирает, как подумаешь, что может случиться с детьми, если готовящие их к первому причастию отец и мать способны отдать все богатства своей любви: нежность и веру, разум и личный пример. Можно представить себе, каким же духовно богатым было приуготовление Елизаветы (и каким особенно утонченным), если девочка плакала все время Благодарения и, выходя из церкви, сказала своей маленькой подруге: "Сегодня я не голодна. Иисус накормил меня". Остановимся здесь, чтобы поразмыслить над тем, что же произошло.

Из жизнеописаний святых мы знаем, что личная встреча с Богом, ожидание которой всегда так мучительно, есть начало всякого истинного обращения. Казалось бы, это общее правило, но не надо забывать, что великая встреча, великое обращение уже присутствуют в тех предварительных бескорыстных действиях, в которых участвует ребенок из любой христианской семьи: появляется на свет - и возрождается во Христе; растет - и вскармливается Телом и Кровью Сына Божьего. И все же Иисус терпеливо ждет непосредственной встречи с нами, надеясь, что рано или поздно она все-таки произойдет. Но иногда, желая, чтоб мы помнили, что есть особенная, "кафолическая" благодать, Он дарует благо встречи с Ним в самый момент рождения, а потом - в раннем детстве. В Елизавете это Божье решение проявилось в веренице событий, на первый взгляд случайных, но на самом деле указывающих на ее особый путь.

Дом семейства Кате, где жила мать с двумя детьми,- отец умер, когда Елизавете исполнилось шесть лет,- стоял вблизи кармелитского монастыря; туда они и ходили в церковь. В день первого причастия, почтительно следуя приятному обычаю, девочку, одетую во все празднично-белое, представили в монастырской приемной монахиням.

Мать-настоятельница ласково сказала, что ее имя, Елизавета, означает "Дом Божий", и подарила ей на память образок, на котором было написано четверостишие:

"Благословенное имя твое строго в тайне хранилось,
Но знаменьем великого дня разрешенье явилось.
Знай, дитя, что в тебе - горняя эта Обитель,
Где живет Бог-Любовь, Бог-Спаситель".

Неважно, что монахиня воспользовалась народным, а не научным толкованием, неважно, что так бывало с тысячей других детей в подобных ситуациях. Для этой девочки это прозвучало потрясающим откровением: "Дом Божий"! Это же значит, что Сам Бог в ней живет! Через всю жизнь Елизавета пронесла это твердое убеждение: "Во мне живет Он!"

Вся остальная ее жизнь вместилась в это первое Причастие, и удивляться нам больше нечему: ни тому, что в четырнадцать лет Елизавета посвятила Господу свою невинность, ни тому, что слово "кармель" (где ей открылась тайна) постоянно звучало в ее душе. Во всяком случае, юность ее отмечена печатью рано развившейся духовности. И надо подчеркнуть еще одно ее качество, отнюдь не второстепенное: любовь к музыке и танцам. Мать хотела сделать из нее знаменитую пианистку: к восьми годам Елизавета уже чудесно играла, в одиннадцать лет получила диплом, а в тринадцать - первую премию Дижонской консерватории. Она безумно любила Шопена. Но даже это чувство было той любовью, что жила в ней и вела ее.

Социальное положение (она была дочерью чиновника) почти обязывало ее часто посещать маленькие балы и музыкальные утренники, да и мать это поощряла, пытаясь таким образом отвлечь дочь от монашеских намерений. Но всякому, кто видел ее в то время, хотелось сказать: "Елизавета - не здесь". А самые пронизательные добавляли: "Она видит Бога". Один юноша, с которым они долгое время общались - у них были общие интересы,- говорил потом своим друзьям: "Знаете, она совсем не такая, как другие".

Есть одна очень важная запись о ее тогдашнем положении, оставленная другом их семьи: "Елизавета как бы пронизывала насквозь своим взглядом, но без любопытства, тщеславия, без властности - было в этом что-то сверхъестественное". "Пронизывать взглядом без любопытства, без тщеславия, без властности" -- очень точное описание того, что мы называем чудом христианской зрелости.

Елизавета, в свою очередь, откроет потом своей настоятельнице главную тайну этой зрелости. "Светские сборища... привлекали меня тогда по неразумию сердца моего., но в восемнадцать лет все кончилось: я целиком принадлежу Богу. Случалось, что посреди мирских увеселений меня вдруг

будто схватывал мой Водитель и мысль о завтрашнем причастии - да так сильно, что я становилась как бы бесчувственной, как бы отстраненной от всего вокруг".

Если это удивит нас или покажется неестественным, подумаем, не удивляется ли Господь, если мы, причастившись действительного Его Присутствия, думаем о чем-то стороннем?! И тогда нам не покажется необычным то, что Он иной раз вознаграждает нас примером существа, всецело поглощенного Им.

Елизавету в ту пору неудержимо влекло к кармелитам, к той чисто созерцательной жизни, которая в сердце Церкви и мира. Если действительно все верующие - единое соборное Тело, то в Телe этом есть сердце, и оно разгоняет кровь по всем членам, орошая их личной любовью Христовой. Миру может казаться пустым и ненужным, что где-то живут сестры-затворницы, всецело отдавая себя Богу, восхваляя Тайну Его Воплощения, так что хвала их организует все вокруг - и время, и пространство, и отречение, и желания, и чувства. Мир еще не развалился и не рассыпался в прах только благодаря Церкви, а Церковь не развалилась только благодаря Христу. В этом взаимном охранении и проявляются, главным образом, брачные узы, связывающие Христа с Церковью и Церковь со Христом. Мир, к сожалению, этого не понимает, но иногда не понимают этого и сами верующие.

Мать Елизаветы, так хорошо подготовившая ее к первому причастию, тоже не поняла, к чему призвана ее дочь; всеми силами она сопротивлялась ее намерению и упорно не позволяла принести первый обет, пока Елизавете не исполнился двадцать один год, по тем временам - совершеннолетие. В ожидании и приуготовлениях к свершению своего призвания, девушке была дарована и новая встреча, открывшая ей необъятные просторы Любви Божией, Тайнства Пресвятой Троицы. И до этого события Елизавета, конечно же, верила в Пресвятую Троицу, но, как и у большинства из нас, вера ее оставалась как бы изолированной, просто верой в Бога-Отца, во Христа Сына Божьего и в Святой Дух,- последовательно, раздельно. Никто не размышляет о Троице как о Живой и Действующей в Единстве Любви, как о Тайне, которой пронизано все существующее. В это время, как пишет фон Бальтазар, и открылся очам и сердцу Елизаветы жаркий поток бесконечной любви, истекающей от Отца к Сыну - в Дух - и устремляющийся к творению, поглощая и спасая собой все человечество, всю историю, все судьбы.

До этого события жизнь и даже вера представлялись ей некоей вереницей фотографий; она разглядывала их с любовью по отдельности, а теперь неожиданно все пришло в движение, и развернулась величественная Бого-человеческая драма, прекрасная и глубокая, и Елизавета, маленькое существо, полностью растворилась в животворящей безмерности Божественной Троицы. Теперь она могла увидеть все сущее - даже тех, кто отвернулся, отдалился (даже мать, так болезненно от нее отдалившуюся) -- в свете великой тайны Единства. Теперь поняла она, что есть место, где "душам суждено свидание", по ту

сторону времени, пространства, призваний, сословий. Она увидела "троичность" и в мире, и в делах человеческих.

В августе 1901 года Елизавета вступила, наконец, в Кармелитский орден и прожила там последние пять лет жизни - обычно такого срока монахиням едва хватало, чтобы просто "приспособиться" к новой жизни. Слышали, как она прошептала, переступая порог: "Бог - здесь! О, как Он здесь! Как Он во мне!" Войдя в свою маленькую и тесную келью, сказала: "А здесь - Троица". Таким и стало ее новое имя - "Елизавета Святой Троицы".

О последующих, немногих годах ее напряженной жизни рассказывать очень трудно, они протекли слишком просто. Кто знает, что происходит с творением, когда оно видит Бога во всех деяниях, во всем человечестве, во всем существующем? Или что значит - хранить Господа в себе и устремляться к Нему?

Достаточно, наверное, нескольких свидетельств из ее писем:

"Если б ты знала, как мне прекрасно и покойно, когда причащаюсь Святейшим Таинствам... Когда раскрываю двери, мне кажется, что раскрылось Небо, да так оно и есть", (Письмо 114).

"Сегодня провела на кухне чудесный день с половником в руке. Большой радости эти обязанности не вызывают, но подумаешь только, что рядом - Водитель, тут, среди нас, и тотчас душа ликует из самой сердцевины своей" (Письмо 206).

"Работала в прачечной, натрудилась неимоверно, но старалась от других не отстать. А белье полоскала - забрызгалась немного и рассмеялась - и усталость ушла. Видишь, во всем кармелиткам радость: и в молитве мы с Богом, и в стирке. Везде мы с Ним! Им живем, Им дышим! Знала бы ты, как я счастлива! Как все просторнее мой мир" (Письмо 83).

"Все делаю с Ним, все исполнено Божественной Радостью. Отдыхаю ли, работаю ли, молюсь ли - все мне прекрасно и дивно, потому что Водитель мой всюду" (Письмо 82).

"Сколько любви вокруг меня, словно я брошена в океан, и он поглотил меня... Он - во мне, и я - в Нем. Ничего не хочу, только любить Его и не мешать Ему любить меня каждый миг, каждый шаг, пробуждаться в Любви, жить в Любви, засыпать в Любви, душою - в Его Душе, сердцем - в Его Сердце, очами - в Его Очах... Знала бы ты, как я полна Им!" (Письмо 146).

Даже нам, христианам, слышать подобное об Иисусе Христе как-то непривычно, это кажется странным, необычным. Вот когда так говорят влюбленные, тут сразу понятно, хотя они вряд ли чувствуют ответственность за свои слова (да и не могли бы). Хотя нам следовало бы знать, что выражения любви наполняются настоящим чувством, только если они - часть любви к Богу, даровавшему нам сперва нашу, а потом и Свою Жизнь. Сам Иисус говорил

апостолу Петру: "Симон Ионин! Любишь ли ты Меня более всех прочих?"; и Петр, не стыдясь, отвечал Ему: "Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя".

Остались некоторые заметки, которые Елизавета писала в духовном уединении, они помогают восстановить окончательный путь, приведший ее к пониманию бытия через обретение душеспасительного убежища в Сердце Господа.

В ноябре 1904 года Елизавета написала свою знаменитую "Молитву Пресвятой Троице", которая известна теперь всему миру и стала классикой духовной литературы:

"О Господь мой, Троица моя возлюбленная, помоги мне небрежением плоти моей в стяжании убежища Твоего, непоколебимого и покойного обитания души моей в Вечности Твоей! О даруй мне мир мой нетревожный или же сверши исход мой от Тебя, мой Постоянный, но ежесекунден путь мой в светлые глубины Таинства Любви Твоей.

Умиротвори душу мою, сотвори ее Небом Твоим, Обитанием Твоим Излюбленным, Отдохновением Сладостным. Яви позволение Твое в бытии моем близ Тебя, в полном и совершенном пробуждении веры моей, пламенеющей, поглощенной деянием Твоим в Созидании.

О Христос мой возлюбленный, за любовь распятый, стражду супружества Сердца Твоего, стражду себя величием Тебя покрывающей, стражду себя любящей... до смертного часа! Но бессилием своим сокрушенная, лишь мольбами взываю к Тебе, желая облачения Тобою души моей, неразлучной в стремлениях с Душою Твоею, растворения Твоего в бытии моем во всепроникновении Благодати Твоей, Пресуществления Твоего в душе моей Жизнью Твоей, Свет излучающей во все существующее. Жду пришествия Твоего во мне - Обожателем... Испытителем... Спасителем...

О Глагол вечности, Слово Господа моего, жизнь мою стражду в слушании, послушания стражду в познании мудрости Твоей, и днем, и ночью пребывания стражду в лучезарной Вездесущности Твоей. О Звезда моя возлюбленная, плени очарованием Твоим, сохрани меня в Вечности Сияния Твоего!

О Пламя "всеснадающее", Дух Любви Божией! Пади мне в пресуществлении моем воплощением Слова! Сотвори во мне человечество, вновь страждущее Пришествия Господня в Таинствах Его.

О смилуйся, Господь мой, Бог-Отец! Осени Славой Твоей бедное, малое Твое создание, узри в нем Сына Твоего Возлюбленного, Благоволения Твоего сподобленного!

О Возлюбленная моя Троица, мое Совершенство, Блаженство мое! Растворения стражду в бесконечном уединении Твоим, жертвой стражду предаться безмерности Твоей. Обретения стражду Тобою убежища во мне,

ожидая могущества созерцания собственным Твоим Светом беспредельного Твоего Величия!"

Жить "неколебимо и покойно" означало для не жизнь, возвышенно-пламенную во всеединстве Любви, Добра и Согласия.

В ту же пору Елизавета прочитала в Библии о том, что Бог сотворил нас "в прославление Своего Величия", и слова эти столь глубоко запали ей в душу, что все завершилось употреблением этих слов в качестве собственного имени, которым она и подписывалась: "прославление Величия".

Помнила она и прежнюю свою страсть к музыке: нужно уметь извлечь из всего - прежде всего из самого себя,- как из прекрасно настроенного музыкального инструмента, звук, достойный Бога, достойный воспевать Его Славу. Но для этого нужно быть музыкантом, способным совершенно слиться со своей музыкой.

Казалось, Елизавета уже знала всю безмерность Тайн Божиих, хотя и была еще очень молода, и все же ее ожидал и иной опыт. Ожидало ее испытание болью, да и невозможно постичь настоящую любовь ко Христу, не узнав цену крови, которой Он заплатил за нас. В двадцать пять лет она заболела страшной, по тем временам неизлечимой болезнью Аддисона (хроническая недостаточность надпочечников, от правильного функционирования которых зависит обмен веществ). Потеря аппетита, похудание, обезвоживание всего организма, бессонница, тошнота, невыносимые головные боли.

Елизавета говорила с трогательной простотой: "Мне кажется, какие-то звери грызут мне живот". Ее не миновало ничто - даже искушение самоубийством. Вот что рассказала ее настоятельница: "Однажды, когда я уже собиралась уходить от нее, она, какая-то особенно спокойная, показала мне окно, возле которого стояла ее кровать: "Матушка, Вы вот так меня и оставите совсем одну?" Я очень удивилась, и она поспешила добавить: "Так мучаюсь, что теперь понимаю самоубийц. Но Вы не беспокойтесь - Бог хранит меня"".

"Где бы и быть Христу, как не в страданиях?" - эти слова все чаще появляются в последних письмах Елизаветы. Об этом говорила и святая Андже́ла да Фолиньо, известная в средневековой мистике: она напоминала, что нужно войти в страдания Христа, соединиться с Ним в "собственном Его Доме", чтобы Его воистину познать.

Так завершился путь, начавшийся для маленькой Елизаветы в день ее первого причастия со знаменательного толкования ее имени - "Дом Божий"; это стало ее призванием. Теперь она приютила в себе образ Бога Распятого и подчинилась Ему. Так и прожила последние месяцы.

Она рассказывала: Лежу в кровати и представляю, как поднимаюсь к алтарю и говорю Ему: "Боже Мой, не тревожься обо мне!" И такая тоска иной раз, но успокаиваю себя и говорю Ему: "Это не в счёт, Господи!"

В одном из последних писем Елизавета пишет: "На моем кресте я наслаждаюсь радостью неизведанной, оттого что в боли открыла Любовь, и вот - стремлюсь к ней. Она - жилище мое излюбленное, в ней мир и отдых, в ней, я уверена, встречу с Водителем моим" (Письмо 271).

Очень трогательным и знаменательным оказалось последнее свидание Елизаветы с госпожой Кате. Мать тяжело переживала, когда дочь ушла в монастырь, теперь им предстояла разлука еще тяжелее. Но дочь решила увлечь мать, чтобы и она отдала все Господу. Послушаем, что рассказывает об этом ее мать: Вся ее жизнь сосредоточилась в глазах. В конце нашего последнего свидания она собрала всю свою храбрость и сказала: "Мама, когда сестра известит тебя, что страдания мои окончились, ты должна упасть на колени и сказать: "Господи, Ты мне ее дал, и Тебе я возвращаю ее. Благословенно Имя Твое!"И Мать так и сделала, повторив потом, слово в слово, все, что дочь вложила ей в сердце. Вот какова святость: неуклонно идти к Богу, увлекая за собой всех, кого вверил нам Господь.

Умерла Елизавета 9 ноября 1906 года. Этот скорбный день совпал с другим, бесконечно постыдным для всего человечества, когда в Парижской Палате Депутатов некий господин Вивиани произнес хвалебное слово действиям, направленным на дехристианизацию Франции. Вышло постановление о насильственном закрытии монастырей, и был принят закон о принудительном отделении Церкви от государства. В горделивом угаре от своих слов оратор вещал: "Мы вырвали сознание человека из лап веры. В прошлом он, несчастный и угнетенный, изнуренный поденщиной, сгибал колени, но мы подняли его: мы сказали ему, что в облаках нет ничего, кроме химер. Вместе, разом, одним величественным взмахом потушили мы все небесные огни, и ничто не в состоянии зажечь их снова". В этот самый миг Господь зажег на небе звездочку Елизаветы Святой Троицы.

И век наш на исходе, а она все сияет и сияет ...

Антонио Сикари. Портреты святых. Том 3

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/page08.htm#9

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/